

ПОЕТ ГУДОК НАД СОРМОВОМ

В ПРОВАЧНЫЙ утренний воздух стремительно взмыли белые клубы пара. И вслед за ним мощный голос заводского гудка запел начало новому дню. Ему вторят заводы-соседи, подпевают пароходы на волжском просторе, в лад ему стучат сердца тысяч людей, спешащих на утреннюю смену.

Долгие годы звучит этот гудок, и по-разному отвечали люди на его зов.

«Каждый день над рабочей слободкой, в дымном, масляном воздухе, дрожал и ревел фабричный гудок, и, послушные зову, из маленьких серых домов выбегали на улицу, точно испуганные тараканы, угрюмые люди, не успевшие освежить сном свои мускулы».

Всем известны эти строки Горького, открывающие повесть «Мать», всем известно, что в этой книге речь идет о знаменитом Сормовском заводе.

Сто десять лет звучит над ним протяжный голос гудка. Сто десять лет выплескивается сюда, на волжский берег, могучий людской поток, собираясь из множества ручейков, устремленных со всех сторон. Но никогда еще не был он таким бурным, таким полноводным, как ныне! Читатель! Представь себя в этом потоке.

Он несет тебя по сормовским улицам. Дует в лицо упругий речной ветерок, срывает с кленов и озорно кружит желтые листья. Кроны деревьев прячут от глаз дома, построенные в разные эпохи, бурно сменявшие одна другую на протяжении века.

Еще стоят кое-где старые домики с палисадниками, домики первых сормовских рабочих. Еще встретишь грузное, замшелое, точно вросшее в землю каменное здание, где был когда-то трактир или казенная винная лавка. Стоят здесь и кажущиеся сейчас старомодными многоэтажные дома первых пятилеток. Это первенцы. Сюда переселялись из хибар, здесь по-новому стали жить сормовские пролетарии, те, что полили своей кровью мостовую, по которой ты идешь.

Да, вот на этих улицах нес красное знамя навстречу жандармским штыкам и казачьим нагайкам большевик Петр Заломов — горьковский Павел Власов. Здесь громоздились баррикады в девятьсот пятую. По этим улицам, отбивая шаг, шли в семнадцатом отряды Красной гвардии, громыхали тяжелые танки в сорок втором...

И как лучший памятник героям-сормовичам высятся над старыми улицами современные жилые кварталы, растущие не по дням, а по часам. Здесь, в городе Горьком, родился подхваченный всей страной замечательный почин народной стройки.

Поток, несущий тебя, приближается к заводским воротам. Все шире разливается он по тротуарам и мостовым, все теснее ряды иду-

щих. Ты чувствуешь рядом плечо старого мастера, слышишь певучую речь девиц (это о них поется в «Сормовской лирической»), видишь, как норовят протиснуться вперед неугомонные ребята-ремесленники.

И вот у проходной, как у горного порога, смыкается людская река в единое русло, и снова добьется на десятки потоков, речек, ручейков, ведущих в цехи, участки, отделы.

Гудок... Начинается смена. Вступают в дело золотые рабочие руки. Это они зажгли здесь первый в России мартен, спустили со ступеней на волжский простор первый в мире теплоход, построили первый советский танк. Еще не отслужили свой век сормовские локомотивы и железнодорожные вагоны, еще бороздят просторы русских рек сотни буксиров и теплоходов, заложенных здесь, лишь первые километры прошел по Волге могучий дизель-электроход «Советский Союз», а для сормовичей все это уже вчерашний день. Завод выпускает теперь теплоходы на подводных крыльях, обгоняющие курьерские поезда. Именно здесь, в Сормове, опровергнуто извечное представление о водном транспорте, как о самом тихом.

Сормовичи назвали свое крылатое детище «Ракетой» — словом, дорогим для народа — покорителя космоса, стоящим в одном ряду с такими словами-знамениями нашего советского века, как «спутник», «семилетка», «коммунизм». И сами они — люди, достойные своего времени, создающие его и им взращенные. Мы восхищаемся сейчас их неумной творческой энергией, пытливым мышлением, замечательной силой новаторства.

Эти качества встретишь у сормовичей всюду — в поисках рационализаторов, в смекалке сборщика, что не хуже инженера читает сложнейшие чертежи, в напористой одержимости молодого мастера, пришедшего в отставившую бригаду, чтобы вывести ее в передовые. Встретишь их не только в стенах завода, но и тогда, когда возвестит гудок об окончании смены и хлынет на улицы рабочий люд.

Гудок... Как в любом рабочем поселке, он и в Сормове вошел в жизнь как самонужнейшая необходимость: Он дробит сутки на точно отмеренные куски. И если голос его слышится в непривычный час, значит, произошло что-то важное в жизни многих тысяч людей. Год назад изменился на Сормове график гудков. Завод перешел на 7-часовой рабочий день. Теперь утренняя смена заканчивается в три часа.

Чем он наполнен, будничным день Сормова? Как трудятся и отдыхают его люди? Что примечательного в их жизни?

Об этом мы и рассказываем в сегодняшнем номере (2-я, 3-я и 4-я страницы).

